

Мариэтта Чудакова. Ненависть к поступку

О чем сегодня волнуется княгиня Марья Алексевна?

1.

...Эта информация месяца два назад, не скрою, застала меня врасплох. Я слушала собеседника ошеломленно. Не могла как-то осознать сообщаемое.

А он неторопливо повествовал, что вокруг защитников Химкинского леса в интернете давно уже кипит война. Ими возмущены не какие-нибудь привычно послушные властям старцы, а их ровесники, молодежь. И никакие не «Наши», не прикормленные, а вполне индивидуально действующие.

— Господи, чем же они возмущены? — спросила я растерянно.

— А зачем НЕ ЗА СВОЕ борются?!

Не дав мне опомниться, собеседник сообщил нечто сюда же каким-то образом примыкающее.

— А Шевчуку какой афронт устроили? Тоже в интернете. От него уже люди уходят. Из самой его группы!

— Господи помилуй, а его-то за что?..

И сразу же вспомнила рассказы Лидии Николаевны Тыняновой, сестры Тынянова и жены В.А. Каверина, как в 1937 году при известии об очередном аресте она, не в силах удержаться, восклицала: «...А этого-то за что?!» На что Евгений Львович Шварц, нередко случавшийся поблизости, неизменно отзывался: «А я знаю! Но не скажу».

Постепенно сутолока в мыслях начала упорядочиваться, что-то прояснялось. И тут как раз подоспело выступление Леонида Парфенова, которое в те дни, кажется, ни один телеканал не показал, но в интернете эти семь минут можно было посмотреть. Я даже не отказала себе в удовольствии (сомнительном) посмотреть дважды. Второй раз я смотрела не на Парфенова, а исключительно на руководителей телеканалов, сидевших за столиками с какой-то, кажется, выпивкой, но каждый — слегка подавшись вперед... Вот это было зрелище действительно редкое — можно было бы и третий раз посмотреть. Потому что на всех этих лицах без единого, заметьте, исключения было написано одно и то же. И это написанное прочитывалось сразу же, без всякой специальной подготовки; кто видел — тот, думаю, со мной согласится. Написано же было на мужских со следами решительности и на женских со следами чего-то женского лицах следующее: «Да, я — дерьмо, и кто бы сомневался. Но как ты смеешь говорить об этом публично!..»

Поразило именно то, что ни на одном лице не было следов хоть какого-то внутреннего сопротивления. Типа: «Не-ет!!! Вы меня не знаете! Все сложнее!..»

Ну, само собой, и по поводу Парфенова тут же началось копошение в нашей нынешней зоне безопасности, нашей собственной границе, где — неси, что хочешь, под своим изысканным ником, — тебя невозможно подвергнуть экстрадиции. То есть в интернете.

Цитирую затравку: «Не верю ни единому слову Парфенова. Хорошая речь, спору нет. Речь — хорошая. Парфенову — не верю. Покажите мне хотя бы один момент в его творческой биографии после НТВ, когда он сделал, написал, рассказал что-то неконъюнктурное, острое, наказуемое». Тот свойский круг, к которому обращен вердикт, хором его поддерживает. Предполагается, по-видимому, что, в отличие от Парфенова, люди этого круга или кружка постоянно совершали нечто неконъюнктурное, острое, наказуемое.

Теперь попробуем логически продолжить их инвективы. Вот им, в отличие от Парфенова, можно бы и выступить подобным образом. Поскольку им (если исходить из их собственных инвектив) поверят. Его же парфеновское дело — сидеть в своей берлоге и сосать дальше свою конформистскую лапу. Не высовываться,

потому как веры ему нет и ныне, и присно, и во веки веков.

2.

Вернемся к обвиняемому Юрию Шевчуку.

Суть обвинений: зачем нарушил ход хорошо текущей непритязательной встречи людей искусства с премьером? Зачем полез с неудобными вопросами относительно свободы СМИ, гибели журналистов и так далее, с которыми никто другой не полез?

Выделенные нами слова здесь самые важные. Все инвективы именно их имеют своим скрытым истоком. И здесь попробуем развернуть: «Ведь я же не полез? Меня, правда, там не было, но и был бы — не полез! Ведь те, кто был, не полезли?..»

Поскольку совершенно исключено, чтобы некто отличался от общей массы в лучшую сторону (таково сегодняшнее повальное умонастроение; как оно сформировалось — вопрос особый, им я в пределах данного текста не занимаюсь), — значит, он отличается в худшую. И мотивы его выступления (по видимости — только по видимости, для непосвященных! — смелого и честного) на встрече с премьером могут быть только мерзкими и никакими другими.

Приговор сегодняшней коллективной княгини Марьи Алексевны — это был ПИАР. Не то совсем, что вы по недомыслию подумали (молодец, мол, Шевчук!), а чистой воды пиар. А пиар, само собой, — дело непростительное. Если ты Шевчук — то веди себя соответственно, не пиарься. А пропиарился — извини!

Правда, в декабре я была на его концерте (надо сказать, впервые; очень понравилось) и видела, как ломилась, а затем бесновалась в восторге молодежь. Но речь ведь не о сонме поклонников, а о тех, которые хотят быть идеологами, законодателями.

«Пиар» — это теперь такое волшебное слово. Где только виден силуэт поступка — туда спешат доброты с пиаром наперевес. У Парфенова — пиар, и у Шевчука — пиар; а вы думали — что?..

Как известно с детства, дурной пример заразителен. И за завсегдатаями интернета в ту же сторону потянулись и чиновники.

3.

Только что в Петербурге случилась трагедия — упала с крыши глыба льда со снегом и убила шестилетнего мальчика, шедшего по улице родного города с бабушкой.

Бывают трагические случайности, от которых никто не застрахован. В данном случае утверждаю и настаиваю: случилось то, что непременно должно было случиться на улицах Петербурга. Случайность лишь в том, что это один случай, а не десятки.

Дело в том, что 23 декабря я была в Петербурге. У меня были встречи в трех разных местах и весь день ездила по центру города (не по окраинам!) на машине.

Я — москвичка, а не житель Калифорнии. Я видывала виды в родном городе, где зима и снегопад во все эпохи застают московские власти врасплох. Меня не удивит сугробами и сосульками. Но то, что я увидела в Петербурге, не умещалось в сознание. Единственное, что вспоминалось, — рассказ Замятина 1920 года «Пещера», про страшную петроградскую зиму 1919—1920 г.: «Узкие, бесконечные проходы между стен; и похожие на дома темные обледенелые скалы...» Сугробы выше человеческого роста, узкие тропки между рядами припаркованных, полностью засыпанных снегом машин. По этим тропкам как-то пробираются машины. Огромные сосульки свисают с карнизов. Все это — в двух шагах от Невского. Невозможно видеть чуть ли не до второго этажа заваленные снегом прекрасные петербургские здания.

— Что это у вас — только что такой снегопад был?..

— Нет! — отвечали мне водители озлобленно. — Уже две недели не убирают!..

Уехала с тяжелым чувством неминуемости трагических происшествий. Дома увидела на телеэкране эти же жуткие картины, губернатора, услышала ее истерические выкрики: «Надо привлечь студентов! Бомжей!..» И показали вслед чистенькие улицы зимнего Хельсинки. Те же широты, те же снега. Как-то обошлись без студентов и без бомжей.

Когда узнала про гибель мальчика, тут же сказала: «Губернатора — под суд!» И была удовлетворена, не скрою, позицией депутата Оксаны Дмитриевой, хотя жестокой себя не считаю. Она требует возбудить уголовное дело по факту бездействия и халатности губернатора, вице-губернатора и главы Кировского района. Реакция такая: «...чиновники Кировского района считают, что у парламентария своя выгода и что это, мол, просто пиар». Волшебное слово использует и глава Кировского района в своем послании (не знаю, правда, кому именно направленном): «У меня, как у главы района, в котором произошла огромная трагедия, вызывает искреннее человеческое возмущение заявление депутата...» Вот как даже! «Искреннее», подумать только! «Желаете, — промычал он, — землю буду есть...» Это Никанор Иванович Босой, коллега Алексея Кондрашова, под руку подворачивается. Кондрашову бы, как говорили в старину, о божественном подумать, а он занялся психологией — берется оценивать мотивы чужих поступков вместо того, чтобы задуматься о степени своей вины: «К сожалению...» — ну до чего же проникновенно писать выучились! Слезу просто вышибают! — «...я не могу расценить заявление Оксаны Дмитриевой иначе как политический пиар на человеческой трагедии».

А вот расценивать господина Кондрашова как раз никто не просит. Расценивать будет прокурор.

И опять невольно лезет в голову подзабытая студенческая песенка: «А я тебя не спрашиваю, /Что у тебя болить!..»

4.

В замечательном, оставшемся незамеченным (надеюсь, пока) романе Александра Суконика «Спаси нас, доктор Достоевски!» (М., 2010) описывается среди прочего атмосфера в среде отъезжающих. Описанная от лица героя автору, уехавшему в 1973 году и живущему в Нью-Йорке, атмосфера общепринятых умолчаний знакома была не понаслышке. «...Тот, кто, например, уезжал, дабы вывезти в лице своей персоны русскую литературу, мог ли упомянуть о своем вполне понятном желании вкушать плодов зарубежной славы? Ни в коем случае! Ни малейшего права не имел! Соответственно и какой-нибудь профессор, отбывающий на Родину Предков, даже самому себе не мог признаться, что кроме мечты служения идеалам сионизма им владеют еще кое-какие весьма неопределенные, но весьма приятные мечты о благополучной жизни, квартире, машине, деньгах...

Да-с, уважаемые товарищи и господа, атмосфера была такова, что одно упоминание о существовании материальной подоплеки жизни не только прозвучало бы бестактно, но и просто могло бы разрушить самую атмосферу духовности нашего момента, и что бы тогда случилось со всеми нами вообще?»

А потом этот же отъезжающий Гарик попадает в дом известных диссидентов Стекольниковых, «поскольку Стекольниковы брались переправить за границу отснятую с его рукописи пленку».

Там обсуждают по ходу дела письмо Шостаковича.

«— Позорное письмо!

— ...Горбатого могила исправит, — угрюмо пробормотал человек на диване.

— Как жаль, как жаль, такой все-таки композитор! — воскликнул один из сидящих за дальним концом стола.

— Какой уже такой особенный композитор, это еще надо выяснить, — раздраженно осклабился тощий, замахав руками над головой. — Великий композитор, такой композитор, сякой композитор, надоело!

— Вы знаете, — сказал хозяйка, — на прошлой неделе мы слушали в консерватории Седьмую симфонию, вроде бы гениальное произведение, но вот что-то мешало (тут она сделала паузу, вздохнув сожалительно), не могла уже так просто слушать, как раньше, не способна была отключиться, забыть и простить...»

Давненько дело было. И не с такими совсем людьми, о которых сегодня речь. Но что-то застряло, видно, в пазах нашего исторического здания.

...Если бы один из тех, кто зорко следит за малейшими признаками поступка — и тут же мобилизует все нерастроченные запасы сардонических красок («Знаем-знаем!...»), вдруг решил бы быть откровенным или даже просто честным — хотя бы и анонимно, как подобает в интернете, — он должен был бы сказать следующее:

— В общем, господа, тут такое дело — я живу неплохо. Подзаработал денег. Каждое лето езжу с семьей бог знает куда, куда и присниться-то не могло раньше. Ну правда — неплохо живу, грех жаловаться. И меня, если

честно, не колышет, сколько там дали Ходорковскому — 13 лет или 14. К тому же у меня есть кое-какие наработки, прикидки на будущее — в случае чего. Но вообще-то надеюсь прожить при любом повороте событий. Буквально при любом... Меня, думаю, не тронут. Не даю вроде оснований.

...Он мог бы еще добавить, что для полного счастья ему не хватает, чтобы Чубайс ушел наконец, хлопнув напоследок дверью, с государственной службы — перестал бы отсвечивать!.. Впрочем, этого он, пожалуй, не сказал бы даже в приступе неконтролируемой откровенности — по невозможности внятной мотивировки.

— А чего ж тогда... — начнете вы, — и сами себя оборвете, поскольку после такой откровенности догадаетесь (вы же не глупы), почему же этот типчик последнее именно время так стерженеет, когда кто-то ведет себя иначе.

Да просто потому, что с каждым месяцем прошлого года, а уж с начала этого года — безусловно (для объяснений нет места), соотечественник без поступков постепенно, — а теперь, когда очень многим очевидно стало, что надо что-то делать, все быстрее и быстрее — переходит в малопривлекательный разряд.

— А плохим, — как попросту объяснила мне нападки на Юрия Шевчука одна неглупая знакомая, — никому не хочется быть. Каждому же хочется быть хорошим.

Автор: Артур Скальский © Новая газета ОБЩЕСТВО, МИР 👁 4552 19.01.2011, 13:45 📌 551
URL: <https://babr24.com/?ADE=91090> Bytes: 12398 / 12279 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)